

УДК 159.922(075.8)

ПЕРЕЖИВАНИЕ ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ У ПОДРОСТКОВ С РИСКОВАННЫМ ПОВЕДЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н. Л. Пузыревич

УО «Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка», Институт психологии
ул. Ф. Скорины, 13, 220114, Минск, Республика Беларусь,
natasha.puzirevich@tut.by

Аннотация. В статье представлены философский, социальный и психологический аспекты проблемы рискованного поведения подростков в контексте трансцендентности современного общества. Проанализированы результаты проведённого исследования, свидетельствующие о том, что рискованное поведение, с точки зрения 13-летних подростков, – «мужество быть вопреки», способствующее переживанию кризисных событий жизненного пути и актуализирующее переживание ценности жизни.

Ключевые слова: *ценность жизни; рискованное поведение подростков; трансцендентность современного общества.*

EXPERIENCE THE VALUE OF LIFE IN ADOLESCENTS RISK BEHAVIOUR IN TERMS OF THE TRANSCENDENCE OF MODERN SOCIETY

N. L. Puzyrevich

Belarusian state pedagogical University named after Maksim Tank, the Institute of Psychology

F. Skorina str., 13, 220114, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article presents the philosophical, social and psychological aspects of the problem of risky behavior of adolescents in the context of the transcendence of modern society. The article analyzes the results of the study, indicating that risky behavior, from the point of view of 13-year-olds – «courage to be contrary», contributing to the experience of crisis events of life and actualizing the experience of the value of life.

Keywords: *value of life; risky behavior of teenagers; transcendence of modern society.*

Рискованное поведение можно отнести к числу феноменов, в процессе изучения которых возникает больше вопросов, чем ответов на них. Причем эти вопросы ставит перед человеком сама жизнь, которая в последнее время становится все более неопределенной и непредсказуемой. Получается, что от качества ответов на эти вопросы напрямую зависит качество жизнедеятельности человека,

его выбор одной из двух альтернатив: 1) «преобладать над самим собой» (М. Мамардашвили) [1] и «мужество быть вопреки» (П. Тиллих) [2] или 2) приспособляться к имеющимся обстоятельствам. Принимая во внимание, что свобода осуществления подобного выбора присутствует в равной степени у каждого человека, основная проблема сводится к тому, насколько человек ее реализует. В данном контексте особое место занимает подростковый возраст, так как подростки, рассматривая жизнь как способ приобретения опыта, максимально открыты для экспериментирования, интуитивного поиска абсолютно новых, не имеющих аналогов в предшествующем опыте, поведенческих стратегий посредством рискованного поведения. Возникает ряд вопросов: 1) не является ли рискованное поведение стратегией поиска подростками причин для жизни? 2) считают ли подростки свое поведение рискованным? 3) что побуждает современных подростков к рискованному поведению и какова для них ценность его осуществления? Перейдем к поискам ответов на поставленные вопросы с точки зрения философского, социального и психологического аспектов, опираясь на результаты проведенного нами исследования, участниками которого являлись 13-летние подростки.

Философский аспект актуальности рассматриваемой проблемы состоит в необходимости определения рискованного поведения как способа дистанцирования современных подростков от повседневной жизни или как стратегии ее полноценного проживания, осуществления выбора в пользу жизни.

Многообразие возможностей повседневной жизни создает больше предпосылок для потребления ресурсов, чем для их создания, что в свою очередь, приводит к «фальсификации» мышления. Постепенно происходит вытеснение человека и всего человеческого из сферы повседневной жизни, снижается ценность отношений со значимым Другим. Налицо проявление антропологической катастрофы, о которой М. Мамардашвили писал еще в 80-е годы [1]. Посредством чего оно в настоящее время реализуется ведущий вид деятельности подростков – интимно-личностное общение со сверстниками? В том числе, посредством рискованного поведения. Однако снижение ценности отношений со значимым Другим освобождает пространство, несоизмеримо большее, чем то, которое отводится рискованному поведению. Чем оно заполняется? Виртуальным пространством. И, как свидетельствуют результаты нашего исследования, длительными поисками ответа на самый сложный вопрос: «Кто я?».

По результатам российских исследований 2016 года, среди характеристик современных подростков как представителей поколения Z отмечаются: направленность на получение удовольствия от собственной жизни, простота и скорость достижения поставленной цели, уверенность в собственной исключительности, разнообразие жизни, предпочтение деятельности «по желанию», получение похвалы и признания, ценность каждого мгновения и любовь к себе. Главное время – настоящее, главный запрос от жизни – быть счастливым. Трудности и препятствия рассматриваются как показатель, что жизненный путь выбран неверно, поскольку счастливым можно стать только тогда, когда правильно выбрал свой путь. Возникает противоречие: знаем, что жизнь – это трудности, страдания, но

ждем только счастья. В таком случае, живем ли подлинной жизнью? Ведь переживание ценности счастья происходит при проживании несчастья.

Получается, что реализация принципа М. Мамардашвили «чтобы быть – надо превосходить» [1] подростками подвергается сомнению? Возникает вопрос: получается ли у них быть? Или их бытие наделено каким-то особым содержанием? Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, у преимущественного большинства подростков 13 лет недостаточно выражена базовая ценность жизни. Жизнь рассматривается в контексте интереса, увлечения и т.д., утрата которого ставит под сомнение целесообразность жизни как данности. Следовательно, с точки зрения подростков, суицидальное поведение может рассматриваться как способ решения проблем, значимость которых в их восприятии приравнивается к значимости жизни. «Не чувствовать», «не думать», «не совершать поступков», «выйти за пределы напряженной ситуации» – это взгляд на следствие суицидального поведения с точки зрения проблемы, а не человека, который, осознает перспективу и понимает, что принимать спокойствие, испытывать удовольствие от исчезновения проблемы будет некому, поскольку выбор сказать «нет» жизни будет иметь необратимые последствия. Однако совершению суицидального поступка всегда предшествует «крик о помощи» – вопросы и реплики по поводу смысла жизни и ее ценности. Возможно, это попытка установления контакта с Другим для того, чтобы кто-то со стороны подсказал: «Зачем жить?». Не является ли это свидетельством стремления к единению со значимым Другим в трудной жизненной ситуации для формирования «мы» с целью совместного ее преодоления? Если это так, то, получается, что не только подростки, но и взрослые под влиянием социокультурных преобразований обесценивают значимость, серьезность переживаний Другого, раз не способны своевременно услышать «крик о помощи».

Социальный аспект актуальности состоит в рассмотрении проблемы возникновения у современных подростков с рискованным поведением трудностей во взаимоотношениях с родителями, педагогами, а впоследствии и с обществом в целом. В результате, у них может отсутствовать готовность к выполнению социально значимых ролей, что нередко приводит к разрыву функциональной непрерывности во взаимодействии с окружающим миром и людьми. Происходит снижение целостности, интеграции общества, что не позволяет обеспечить преемственность его ценностей и традиций. Современные подростки переживают чувство одиночества, отсутствие защищенности, ощущение безнадежности, следствием которых может стать суицидальное поведение как способ самоутверждения вопреки общественным нормам и приоритетам.

Возникает вопрос: можно ли считать целенаправленным самоутверждение современных подростков вопреки общественным нормам и приоритетам? Так, в последние десятилетия наблюдается динамика авторитетов в жизни современного человека: авторитет рассматривается как источник владения преимущественным объемом и содержанием информации. Если человек не воспринимается как авторитет («иерархический верх»), нет мотивации учиться у него. Не этим ли обусловлен современный «конфликт поколений»?

Во взаимодействии мы слышим слова и вкладываем в них значения, воспринимаем окружающих людей с позиции нашего жизненного опыта – по сути, реконструируем Другого, взаимодействуем с образом человека, запечатленным в нашем сознании. Не случайно, при анализе жизненных историй по методу подростковых нарративов нами было установлено, что содержание рассказа о себе во многом определяется тем, кто является собеседником. Получается, что немаловажную роль играет ситуация, которая может нивелировать диспозиционные характеристики личности. Почему это не может произойти с подростком, который становится свидетелем модернизации отношения к риску как к источнику современной жизни? В данном контексте собственное рискованное поведение рассматривается подростками как соответствующее запросам времени, как стратегия снятия уникальности переживаний, мыслей и поступков по поводу ключевых аспектов жизни – «я не один такой, мы все такие», как способ осмысления и проживания жизни, как способ проверки границ собственных возможностей в области готовности к ответам на вопросы жизни.

Получается, что рискованное поведение – это стратегия проживания повседневной жизни, попытка объединения реальной и виртуальной жизни. Возможно, рискованное поведение современных подростков – это способ установления и поддержания контакта со сверстниками и привлечения внимания со стороны значимых Других к собственным переживаниям. Не получается ли так, что подросток, вырабатывая модель совладания с трудными жизненными ситуациями в виртуальном пространстве, пробует проверить ее на жизнеспособность в ситуациях повседневной жизни и, сталкиваясь с невозможностью ее реализации, возвращается в более «комфортную», «привычную» виртуальную среду или пробует установить контроль над своими переживаниями в сфере рискованных увлечений?

Технологии снижают ценность планирования, «отнимают» способность (необходимость) осмысления происходящего в жизни посредством избыточного предоставления информации. В таких условиях воплотить в жизнь установленные нейрофизиологами 23 минуты 15 секунд – время, необходимое для непрерывного погружения в деятельность с целью обеспечения ее осмысленности и продуктивности – не представляется возможным. Если принять во внимание, что подростки начали жить в стремительные 2000-е годы, априори без возможности следовать данному принципу, вопрос об актуальности осмысленного проживания жизни и выстраивания временной перспективы в реальной жизни становится в отношении поколения Z ключевым.

Психологический аспект актуальности проблемы обусловлен тем, что в отечественных и зарубежных исследованиях рискованное поведение преимущественно рассматривается в контексте проблем саморазрушения, опасности для жизни и здоровья, многочисленных травм и преждевременной смерти в подростковом возрасте. Малоизученным остается рискованное поведение как способ адаптации к миру, как средство самопознания и самореализации подростков.

Согласно современным нейрофизиологическим исследованиям, при рождении ребенка число нейронов в его мозге существенно превышает их число в

мозге взрослого. В зависимости от того, какие из них будут активированы внешней средой, такие нейроны сохранятся, образуются нейронные связи, которые будут обеспечивать процесс жизнедеятельности человека. Получается, что в окружающей действительности есть предпосылки для становления рискованной активности современных подростков? Рассмотрим механизм возникновения рискованного поведения современных подростков. Итак, подросток оказался в ситуации, которая вызывает у него напряжение, тревогу. В одном из участков головного мозга возникает очаг этого напряжения, тревоги («доминанта»). В результате, все силы, вся активность направлена на снижение напряжения, тревоги – на решение возникшей проблемы. Подросток сосредоточен только на этом, только об этом постоянно думает. Рискованное поведение – это способ переориентации с напряжения, тревоги на необычные ощущения и переживания «на грани», следствием которых может стать динамика представлений о собственных возможностях, привлечение внимания значимых Других. Как только подросток начинает испытывать приятные ощущения, в головном мозге появляется новый источник, на который переориентируется всё его внимание. В результате подросток перестаёт думать о неприятной ситуации, которая вызывала у него напряжение, тревогу. Ему кажется, что он «избавился» от проблемы. Переключение с тревожащих переживаний на новые ощущения становится для него способом преодоления напряжения, тревоги. Рискованное поведение он начинает неосознанно воспринимать в качестве эффективного метода борьбы с напряжением и тревогой. Таким образом, рискованное поведение становится для подростка положительным подкреплением, способом получения удовольствия. На уровне мозга фиксируются те рискованные действия, которые не привели к негативным последствиям, а потому они воспринимаются как безопасное поведение. Любое новое действие, пусть даже полезное, понимается как новое, а потому вызывает тревогу. Получается, что подростку трудно отказаться от рискованного поведения, поскольку любые изменения, полезные или вредные, «ломают» привычный уклад его жизни.

Таким образом, для понимания переживания ценности жизни у подростков с рискованным поведением необходимо выявить потенциал респондентов, который помогает им, совершая рискованные поступки, «преобладать над собой», отказываясь от приспособления к имеющимся обстоятельствам. Развивая и совершенствуя готовность подростков к конструктивному риску можно развивать и совершенствовать у них жизненно важную характеристику – «мужество быть вопреки». Эффективность психологической помощи в ситуациях неконструктивного рискованного поведения определяется своевременностью ее оказания. Превентивные мероприятия должны быть ориентированы не только на подростка, но и на его ближайшее окружение («помощь помогающим»). Это позволит восстановить непрерывности во взаимоотношениях современных подростков с миром и со значимыми Другими, поможет им найти дополнительные причины для жизни.

Библиографические ссылки

1. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М. : Прогресс-Культура,

1992. 408 с.

2. Тиллих, П. Мужество быть // Избранное. М. : Юрист, 1995. С. 7–131.

УДК 159.922.76-056.313

СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЕТЬМИ С ТЯЖЕЛЫМИ МНОЖЕСТВЕННЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РАЗВИТИЯ И ГЛУБОКОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

А. В. Серкина

ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики
Российской академии образования»

ул. Погодинская, д. 8, корп. 1, 119121, Москва, Россия

a_selivanova@list.ru

Аннотация. В статье описаны коммуникативные средства, доступные детям с тяжелыми множественными нарушениями развития (ТМНР) и глубокой умственной отсталостью: зрительный контакт, вокализации, тонус тела, дыхание, поза, уровень двигательной активности. Данные средства коммуникации носят специфический характер и не всегда воспринимаются окружающими как коммуникативные проявления, что затрудняет коммуникативное развитие таких детей. Развитие коммуникативных возможностей ребенка с ТМНР происходит, если взрослый при взаимодействии с таким ребенком проявляет чувствительность к его коммуникативным средствам и поддерживает коммуникативные инициативы ребенка.

Ключевые слова: *дети с тяжелыми множественными нарушениями развития; глубокая умственная отсталость; коммуникация; общение; невербальное общение; взаимодействие взрослого и ребенка*

MEANS OF COMMUNICATION, USED BY CHILDREN WITH SEVERE DEVELOPMENTAL DISORDERS AND PROFOUND MENTAL RETARDATION

A. V. Serkina

Institute of Special Education of Russian Academy of Education

Pogodinskaja str., 8/1, 119121, Moscow, Russia

Annotation. The article offers description of communication means, available for children with severe developmental disorders and profound mental retardation: eye contact, posture, vocalizations, breathing, tone, movement activity. As these means are very specific, often other people do not recognize them as communication and it puts obstacles in the way of communicational development of these children. The more sensitive caregivers are, the more they support communicational initiatives of these children, the broader communication means repertory becomes.

Keywords: *communication; nonverbal communication; adult-child interaction; profound mental retardation; children with severe developmental disorders.*

К группе «дети с тяжелыми множественными нарушениями развития